

ОБЛАСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
БОРОВИЧСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Г. И. ИВАНОВСКИЙ, Л. Р. ФРУМКИН

5/4928

П. В. ЗАСОДИМСКИЙ
В НАШЕМ КРАЕ

1-1

Книжная редакция газеты
„Новгородская правда“

1962

ЗАСОДИМСКИЙ
Павел Владимирович

17 мая 1962 года — 50 лет со дня смерти писателя-демократа Павла Владимировича Засодимского.

П. В. Засодимский жил в то время, когда жили и творили великие русские писатели: Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. Г. Чернышевский, И. С. Тургенев, И. А. Gonчаров, А. Н. Островский, Лев Толстой, Глеб Успенский и другие. Со многими из них Засодимский был знаком и находился в дружбе. Ему принадлежит видное место среди писателей-демократов 70—80-х годов XIX века, посвятивших свое творчество народу.

Имя П. В. Засодимского тесно связано с Новгородской губернией, где он жил в 1872 и в 1908—1912 годах. На новгородском материале им написан роман «Хроника села Смуррина», печатавшийся в 1874 году в журнале «Отечественные записки». Благодаря этому роману имя писателя приобрело широкую литературную известность.

П. В. Засодимский хорошо знал деревенскую и провинциальную мещанскую жизнь. Это поставило его в один ряд с такими писателями, как Решетников, Глеб Успенский и Златовратский.

Требование Засодимского «говорить только вопиющую правду», делать художественные обобщения позволило писателю вынести суровый приговор действительности.

Творчество П. В. Засодимского развивалось в период после Крестьянской реформы 1861 года, когда происходила ломка старого крепостнического уклада, а непримиримые противоречия вызвали широкое общественное движение народничества, которому писатель сочувствовал.

В. И. Ленин, подвергнув критике ненаучность теорий народников, отметил их заслуги в организации революционных сил, ценил их мужество и героизм.

* * *

Павел Владимирович Засодимский родился 1 ноября (по с. ст.) 1843 г. в г. Великий Устюг Вологодской губернии, где временно жили его родители. Мать его, Екатерина Павловна Засецкая, происходила из дворянской семьи, а отец Владимир Михайлович Засодимский, из семьи служащих и работал в ведомстве министерства государственных имуществ.

Девять лет Засодимский провел в г. Никольске, затерявшемся среди глухих лесов, в 260 километрах от Вологды. Там служил его отец. Дом Засодимских стоял напротив мрачного здания Никольского острога. Мальчик с болью наблюдал, как ежедневно из острога выгоняли на работу голодных, измученных арестантов.

Он нередко выпрашивал у матери гроши и, услышав звяканье цепей на Соборной площади, бежал помочь «несчастненьким». В детской душе росло сострадание к этим людям, и он наивно мечтал: «Когда вырасту большой, я всех их выпущу».

Уважение к простым людям, отзывчивость Засодимский унаследовал от своей матери. С искренней теплотой о ней отзывался Павел Владимирович: она «не умела никому отказать, хотя бы проситель был самый последний из людей».

Когда отец оставил службу, семья Засодимских переехала жить в усадьбу матери Миролюбово за 400 километров от Вологды. В течение трехлетней жизни в Миролюбове мальчик наблюдал, как по большой архангельской дороге гнали ссыльных, шли нищие, калеки, юродивые. Будучи впечатлительным, он тяжело переживал все это.

Рос Засодимский вольным ребенком: играл и дружил с крестьянскими ребятишками, ходил с ними в лес. Он рано пристрастился к чтению.

В 1856 году двенадцатилетнего Павла отдали в дворянский пансион Вологодской гимназии. Первые годы пребывания в нем Засодимский называл «тяжелым кошмаром». Грубость невежественных учителей, издевательства, розги, карцеры, оторванность от родного дома — все это угнетало подростка, причиняло ему душевные страдания.

В шестидесятых годах в Вологодскую гимназию пришли новые преподаватели разночинцы. Улучшилось преподавание гуманитарных наук. «Читали гончаровского «Обломова», «Детство и отрочество» Льва Толстого, повести Тургенева, стихотворения Некрасова, из которых многое заучивалось наизусть». Сильное воздействие на Засодимского оказали сочинения А. И. Герцена, И. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Нелегально проникал в гимназию и герценовский «Колокол», пробудивший в душе юноши непреклонное желание посвятить свою жизнь борьбе против угнетения народа.

В 1863 году Павел Владимирович поступил на юридический факультет Петербургского университета, но через полтора года, из-за отсутствия средств, вынужден был оставить его и пойти работать. Первые годы он скитался по углам и каморкам Петербурга, живя уроками и разной мелкой поденной работой. В свободное время писал стихи, сочинял повести. Затем уехал в Пензенскую губернию в качестве домашнего учителя в богатых семьях.

В 1867 году началась литературная деятельность Засодимского. Его первое произведение «Грешница» было напечатано в демократическом журнале «Дело». Однако литературное творчество не принесло писателю «покоя и счастья». «Судьба перебрасывала меня из уг-

ла в угол, не давая мне покоя в сем мире», — писал он.

Сотрудничая в народническом журнале «Дело», он сблизился с группой писателей-публицистов, видных деятелей народнического движения, — И. В. Шелгуновым, П. Н. Ткачевым, Н. К. Михайловским, С. Н. Кривенко и другими. Близким другом Засодимского был его земляк революционер-народник Ф. Н. Лермонтов, послуживший прототипом главного героя романа «По градам и весям».

* * *

В конце сентября 1872 года Феофан Никандрович Лермонтов зашел навестить Павла Владимировича и сообщил ему, что одна барыня подыскивает учителя для открываемой ею в деревне школы. Он посоветовал Засодимскому поехать учителем в эту школу.

Поехать в деревню и учить крестьянских детей было очень заманчиво, но писатель, не имея в этом опыта, не решался взяться за такое ответственное дело. «На другой день, — рассказывал Засодимский, — ко мне пришла сама «барыня», или, вернее барышня С. А. Л.». Это была революционерка Софья Александровна Лешери.

В своих воспоминаниях писатель рисует портрет Лешери: «Худощавая, червная, с живыми темными глазами... Вся огонь, пламя; вечно увлекающаяся... готовая на самопожертвование, готовая забыть себя ради обществен-

ного блага. Обращение ее было первое, то спокойное, тихое, то резкое, порывистое, в голосе ее слышалась нервная дрожь. В загадочной глубине ее выразительных глаз было что-то трагическое, что-то роковое, невольно заставлявшее опасаться за нее. Эта молодая девушка не жила, но горела»...

Лешерн происходила из дворянской семьи. Ее предком был один из шведских офицеров, при Петре I попавший в плен и оставшийся в России. Отец ее, генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 года, после отставки безвыездно жил в имении своей жены, в Меглецах, Боровичского уезда, Новгородской губернии.

Софья Александровна получила хорошее домашнее образование, знала иностранные языки, была начитана. В 1870 году она поступила на женские курсы в Петербурге. Там она сблизилась с сестрами - Корниловыми, Софьей Перовской, Е. Ковалевской и А. Коброй, которые создали кружок по изучению политической литературы.

В среду народников Лешерн пришла уже сложившимся человеком, ей было 30 лет. В 1871 году она по своей инициативе положила начало культурной работе в деревне. В Меглецах она организовала для крестьян ссудо-сберегательное товарищество.

При встрече с Засодимским Лешерн рассказала, что недалеко от села Меглецы имеется

Софья Александровна Лешерн,
учреждательница школы в Меглецах

школа, в которой обучение поставлено так плохо, что дети за две—три зимы могут «научиться кое-как, с грехом пополам, читать и писать». Наставниками в этой школе были родственники местного попа. «Школа была для них лишь станцией на пути к дьяконству или священству. Относились они к делу без любви, холодно и нехотя, спустя рукава, словно отбывая какую-нибудь повинность. Розги занимали главное место в воспитании. Крестьяне видели, что ребята напрасно целые зимы ходят в школу, только напрасно одежду да обувь рвут, а потому неохотно отпускали своих детей в школу. Лешерн решила на свои средства открыть школу в Меглецах. Она стремилась к тому, чтобы в ней дети в одну зиму, без розог и битья, научились читать, писать и считать.

Рассказ Лешерн заинтересовал Засодимского и он согласился поехать учителем. В начале октября 1872 года Павел Владимирович приехал на станцию Валдайка (ныне станция Лыкошино, Октябрьской железной дороги) и панял лошадей до Боровичей. «Ночью приехал в Б., в уездный городок, на ту пору уже спавший крепким мирным сном. Утром рано я тронулся далес в путь к месту моего назначения в село Б. М., бывшее некогда большой станцией на бойком почтовом тракте», — писал в своих воспоминаниях Засодимский, обозначая названия населенных пунктов и имена

людей только буквами, чтобы скрыть их от цензуры и жандармов.

Свой приезд в Меглецы Засодимский описывал так: «М... оказалось большим селением. Мы долго ехали по его главной улице, мощеной жердями, миновали почтовое отделение, прогремели по мосту и, наконец, поднялись с моста на бугор, очутились перед школой, вернее, перед домом, предназначавшимся под школу».

Весть о приезде учителя быстро облетела окружающие деревни и село. С утра и до вечера шли к нему «записываться» желающие учить детей в школе. Некоторые крестьяне спрашивали Засодимского: «Правда, говоряг, что ты можешь в одну зиму научить читать и писать?». Получив утвердительный ответ, они с изумлением качали головами: «Ведь этак, пожалуй, и мы, старики, учиться к тебе пойдем».

В воскресенье вечером собрались в школе будущие ученики. Засодимский в присутствии С. А. Лешерн и крестьян, пришедших на открытие школы, провел беседу со своими воспитанниками, а на следующий день начались занятия.

Павел Владимирович усердно принялся за работу. И скоро по окрестным селениям пронесся слух, который произвел «поразительное

* П. Засодимский — Из воспоминаний, 1908.

впечатление»: в Мегленской школе в полтора месяца ребята научились читать, писать и прикидывать на счетах.

В начале декабря 1872 года к Засодимскому пришла группа крестьян. Они убедительно просили Павла Владимира на учить их грамоте. Он не мог им отказать в такой просьбе. Для взрослых крестьян была создана вечерняя школа, работавшая по четвергам и воскресеньям. При школе Засодимский открыл библиотеку для деревенских «грамотеев». У него было около тридцати читателей.

Павел Владимира быстро заслужил уважение и доверие крестьян, так как держался с ними просто. К нему приходили советоваться, просили написать письмо, приглашали на деревенские сходки. Ему нередко приходилось быть «в качестве как бы эксперта, истолкователя по тому или другому вопросу». Однажды крестьяне пригласили его вечером на сходку по важному делу. Надо было сделать расчет, много ли крестьяне переплатили оброка своему бывшему помещику. Засодимский помог им составить коллективное заявление.

Новой школой был недоволен местный поп, которого не пригласили ее освятить перед открытием и преподавать закон божий. Родственники попа учительствовали в соседней школе, которая дискредитировала себя и рис-

ковала оставаться без учеников. Очевидно, не обошлось дело без доносов.

В середине декабря С. А. Лешери, возвращаясь из Петербурга, была в Боровичах. Вернувшись в Меглецы, она уведомила Засодимского, что его не утвердили в звании учителя и он не может больше оставаться в школе.

С грустью Павел Владимирович собирался в дорогу. Жаль было оставлять на полпути начатое дело. «Кто заменит меня? Добрый ли то будет человек? Сумеет ли он любовь к идеи слить с гуманностью, с нежным участливым отношением, необходимым для живой, впечатлительной детской натуры», — беспокоился писатель.

Последнюю почту Засодимский провел плохо, поднялся в 5 часов утра, чтобы рано утром покинуть Меглецы. «На небе еще чуть забрезжил рассвет. Когда я вышел на крыльце, сердце мое екнуло и забилось шибко-шибко. При свете предрассветных сумерек я увидел около саней толпу школьников... Кто их созвал к школе ни свет ни заря... Добровольно. Вот что было дорого и так растрогало меня. Мне было больно, было жаль этих малюток... Без меня они вырастут, без меня судьба разбросает их на разные стези жизни.

Дальнейшие события показали, что не напрасно волновался Павел Владимирович за судьбу школы и своих воспитанников.

После отъезда Засодимского Лешерн привлекла учителем в школу Гамова. Дмитрий Иванович Гамов родился в 1847 году в Новочеркасске в дворянской семье. Был студентом Петровской земледельческой академии в Москве. Там он вступил в кружок «петровцев». В 1872 году его привлекли к дознанию по поводу переписки с революционными эмигрантами. Он подлежал высылке, но скрылся и приехал в Меглецы. Однако учительствовать ему там пришлось недолго. За революционную пропаганду его уволили с запрещением заниматься педагогической работой.

В 1873 году под Москвой Гамов был арестован за распространение листовок, напечатанных революционером А. В. Долгушином, а через год был осужден к 8 годам каторжных работ с лишением всех прав. Умер Гамов в Харьковской больнице для умалишенных в 1876 году.

После Гамова Лешерн сама стала учить детей. Но по распоряжению властей школа была закрыта, а Лешерн запретили заниматься учительской работой и делами ссудо-сберегательного товарищества.

В обвинительном акте по делу революционной пропаганды в империи о деятельности Лешерн в Меглецах говорилось, что «она, невзирая на запрещение быть учительницей, продолжала учить крестьянских детей, внушая им при этом революционные идеи».

Становой пристав Малиновский, получив приказание боровичского исправника следить за Лешерн, поздним осенним вечером 1873 года, с подвязанным колокольчиком, подъехал к школе и убедился, что там идут занятия. Окна были закрыты, а дверь заперта наглухо. На стук Лешерн спросила: «Кто стучит?» и долго не отворяла. Наконец, дверь была открыта и становой, не останавливаясь разговаривать с вышедшей к нему Лешерн, прошел прямо в школу, где и застал двух или трех мальчиков, которые на его вопрос, где остальные? — ответили, что они ушли по черной лестнице. Крестьянский мальчик Иван Бондарев рассказал, что Лешерн читала ученикам книжки «Степан Разин», «Дедушка Егор» и говорила, что «надо сделать бунт, перебить всех господ, как Разин перебил бояр, и все должны быть равны».

Софья Александровна была арестована, а после освобождения из-под ареста в том же 1873 году уехала в Петербург и вступила в народнический кружок Ф. Н. Лермонтова.

В это время П. В. Засодимский усиленно трудился над романом «Хроника села Смурина». В Петербурге он, несомненно, встречался с Лешерн, узнал от нее о судьбе школы и об учительской деятельности Гамова и самой устроительницы школы.

Весной 1874 года Лешерн, нарядившись в крестьянское платье и с паспортом на имя Вар-

вары Лешевой, ушла «в народ» — вести революционную пропаганду в селах Поволжья. В Саратове она была арестована и несколько лет провела в заключении. В 1877 году Лешерн привлекалась по «процессу 193-х» за вступление в «противозаконное сообщество». Ее приговорили к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь. Но благодаря ходатайству влиятельных родственников, приговор суда был утвержден условно. Лешерн освободили из тюрьмы под надзор полиции. Она перешла на нелегальное положение и в 1878 году с фальшивым паспортом уехала в Киев, где вошла в кружок народников-террористов, которым руководил В. Осинский. При аресте Лешерн и Осинский оказали полиции вооруженное сопротивление. За принадлежность к антиправительственной партии и покушение на убийство помоющего пристава военный суд 7 мая 1879 года приговорил Осинского и Лешерн к смертной казни через повешение. Однако при утверждении приговора смертная казнь для Лешерн была заменена бессрочной каторгой, которую она отбывала в Карицкой тюрьме (Восточная Сибирь). По манифесту 1894 года была выпущена на поселение и умерла в Селенгинске (Забайкалье) в 1898 году.

«Многие впоследствии находили, — писал Засодимский, — что С. А. кончила печально. Я же всегда думал, что она кончила так, как должна была кончить, и не было иного исхода

для этой натуры—кипучей, страсти и несчастной...» («Из воспоминаний», стр. 238).

Таковы основные вехи героической биографии революционерки-народницы Софьи Александровны Лешери.

* * *

Работая учителем в Меглецах, П. В. Засодимский начал писать роман «Хроника села Смурина». В книге «Из воспоминаний» писатель сообщает: «В то же время... мною были набросаны начальные главы моего первого романа «Хроника села Смурина» (впрочем, этой работой мне удавалось заниматься только ночью). Окружавшее в ту пору давало мне материал для создания некоторых образов и сцен в этом первом моем романе». В романе «Хроника села Смурина» изображено село Меглецы, Николо-Мошенской волости (ныне Мошенского района). «Смурино—большое село... Двести смуринских дворов расположено по обоим берегам реки Вожицы, через которую в самом селенье перекинут мост, утвержденный на огромных серых камнях и устланный сверху соломой и прутьями. Левый берег, густо застроенный, покрыт почернелыми, низкими, набок скривившимися кровлями. На противоположном берегу красуется ряд новых, высоких двухэтажных домов с тесовыми красными кровлями... Эта часть села называется Закручье».

Этим пейзажем открывается «Хроника». Автор романа неоднократно возвращается к описанию общего вида села. «Крестами в Смурине называлась площадка, где пересекалась смуринская улица, шедшая вдоль Вожицы, с проулочком, продолжавшимся через мост в Закручье». Достаточно сопоставить данный пейзаж с современными, разросшимися и похорошевшими Меглецами, что раскинулись по обоим берегам Увери, на развилке дорог из Боровичей на Мошенское и Пестово, чтобы убедиться в сходстве общего плана и местоположения этих сел.

Большие Меглецы расположены по правому берегу Увери, обрывающемуся высокой кручей в реку. Левый берег около деревни, наоборот, пологий и низкий. В романе упоминается поместье Грайвороново. Это несомненно поместье усадьба генерал-майора Лешерн-фон-Герцфельд, расположенная в Малых Меглецах*). Теперь от барских хором следов почти не сохранилось. Засодимский сообщает, что в 11 верстах от Смурина стояло сельцо Красная Горка. Оно существует и сейчас и называется селом Красная Гора. В Красной Горке 90 лет тому назад тоже была школа.

* Список населенных мест Новгородской губернии. Выпуск VI. Боровичский уезд. Составлен на основе земских данных 1885 г. под редакцией В. А. Потобедова, 1911 год.

Роман «Хроника села Смурина» имеет подзаголовок «Из жизни русского крестьянина» и показывает жизнь «освобожденных» крестьян. Картина, нарисованная писателем, убедительно подтверждает оценку, которую В. И. Ленин дал реформе 1861 года. Пресловутая «крестьянская реформа» явилась «бессовестнейшим грабежом крестьян... рядом насилий и сплошным надругательством над ними». В романе изображена предреформенная русская деревня, с потрясающей нищетой большинства крестьян и неутолимой алчностью кулаков-мироедов.

Обобщенным образом забитого нуждой и непосильным трудом крестьянина является в романе Василий Кряжев. «Василий был беден, весь в недоимках, во всякую пору готов был повалиться в ноги и слезно просить прощения и милости...». Никакими усилиями не в состоянии был Василий избавить семью от нужды, освободиться от кулацкой зависимости. То же происходило с другими смуринскими мужиками.

Сочувственно показывая безысходную бедность смуринцев, Засодимский со щедринской выпуклостью лепит фигуры кулаков Закручья: Прокудова, Кудряшева, Беспалова, Лисина и земельного магната Чиркова, «который прибирал к рукам земли разорившихся помещиков, скупал крестьянский хлеб на корню и зерном

тысячами пудов сплавлял его, заставляя работать на себя весь уезд». Как пишет автор «Хроники», «крестьяне, переставши быть графскими, очутились чирковскими... Дали им было волю..., а ночью тайком прокрался к ним Кузьма Иванович, сцепал у них волю, зажал в свой кулакище да и был таков. От воли и живого духу не осталось».

Кулаки и земельные магнаты такого типа были в Боровичском - уезде в описываемое автором романа время. До сих пор сохранились в районе Меглец каменные здания их усадеб. К ним из нужды шли на поклон предки нынешних меглецких и красногорских колхозников.

Галерея сатирических портретов новых хозяев жизни, пришедших на смену разорившемуся дворянству, воссоздана писателем с точки зрения людей, «питавшихся лебедой»: «на железных сундуках, втихомолку потряхивая мошной, сидят.... толстые, бородатые люди, — новые люди, жирные и кровожадные, как клопы...»

Однако Засодимский увидел в селах нашего Северо-Запада не только «чумазовское», кулацкое засилье. В образе Аггушки он запечатлел стихийный протест, даже бунт против «чумазовского» гнета. Отец Аггушки за убийство управляющего был сослан на каторгу, после смерти матери Аггушку и его сестру Евгению взял «на воспитание» дядя

Прокудов, бессердечный, жадный кулак. Аггушку избивали, морили голодом. За рыжие волосы его звали «красным чертом», за преступление отца — «убивцем». Все это обозлило Аггушку, и за свою несчастную долю он мстил окружающим. «Подросши, — читаем мы в романе, — Аггушка очутился дядюшкиным батраком». Но мысль о мщении своему обидчику и угнетателю не давала ему покоя. Отколотив «благодетеля» Прокудова и спалив его двор, Аггушка исчез бесследно. При всей симпатии к этому герою романа, автор должен был указать на бесплодность стихийного аггушкинского бунтарства в одиночку.

Следуя правде жизни, писатель вместе с тем показывает, что и либеральными полумерами невозможно облегчить народное бремя. С большой художественной убедительностью утверждается эта мысль сюжетом «Хроники», образами ее героев — народного застуপника Дмитрия Кряжева, смуринской доброй барыни Лизаветы Петровны Водяниной, учителя Владимира Дмитриевича Верхозова.

Главным героем романа является Дмитрий Кряжев, мужицкий ходатай против жадных кулаков Закручья. В отличие от стихийного бунтаря Аггея, Дмитрий Кряжев пытается осуществить народническую программу «спасения» крестьян. По его инициативе смуринцы открывают ссудо-сберегательную кассу, общественную лавку, создают кузнечную артель.

Кулаки Закручья становятся вкладчиками ссудо-сберегательной кассы, берут в ней деньги для коммерческих предприятий, бедняков же касса не в состоянии вывести из нужды. Общественная лавка не выдерживает конкуренции с богатыми магазинами кулаков Закручья. А кузнечную артель прибирает к рукам кулак Лисин, настоящий волк в овечьей шкуре «либерального» стиля.

Мы не знаем реального прототипа образа Дмитрия Кряжева. Вероятнее всего, что черты его облика подсказаны писателю впечатлениями, полученными во время хождения по Тверской губернии, где по поручению журнала «Дело» Засодимский весной и летом 1872 года изучал возникшие там кузнечные артели. Народники полагали, что крестьянская патриархальная община и создаваемые в деревне артели, как «сознательные ассоциации», преградят путь развивающемуся капитализму.

Народническая мечта о создании ассоциации свободных тружеников, воплощенная в чудесном сне Дмитрия Кряжева, не осуществляется. Наяву перед его взором возникает картина великого разложения, порожденного в душах крестьян «чумазовской» жаждой обогащения: «И между крестьянами в смуринской стороне за последнее время завелся обычай: нацарапать рубликов до пятисот и лезть в купцы...» В борьбе с «хозяйственными мужиц-

ками» из Закручья Дмитрий Кряжев терпит поражение. «Закручье перетянуло», ибо на его стороне был и мировой посредник, и староста, и сельский писарь, и поп.

Так верность жизненной и художественной правде вынудила Засодимского отказаться от собственных ложных убеждений. Однако подлинных социально-экономических причин, порождающих кулачество в пореформенной деревне, писатель не раскрыл. Он не сумел показать, «что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще». Сделать это оказалось под силу лишь такому крупному художнику-реалисту, как Глеб Успенский. «Одной кассой, лавкой, а либо артелью тут горю не помочь! Берёй выше, хватай глубже!» — к такому выводу приходит Кряжев по возвращении из тюрьмы, куда он угодил по ложному доносу кулаков. Пережив крах всех своих начинаний, он отправляется в город искать новый путь борьбы против горя народного.

Прямого указания на то, каков этот новый путь, мы в романе не найдем. Но по его страницам рассыпаны намеки, разгадать которые можно, опираясь на добытые сведения о прототипах «доброй барыни» и учителя. До обнаружения приведенных материалов о С. А. Лешерн Водянина могла показаться читателю либеральной помещицей, от скуки занимаю-

щейся крестьянскими делами. Теперь она выглядит иначе. Вот что пишет о «доброй барыне» автор романа. После смерти мужа Водянина побывала в Петербурге и там попала в кружок «новых людей», распинавшихся за все человечество». Но скоро она увидела, что в этом кружке преследуются на деле лишь личные, узкие цели. «И молодая женщина» отшатнулась от этих самозванных «новых людей». Позднее ей «удалось войти в кружок доброй, здоровой молодежи... Здесь не чесали языков, а учились и действовали.»

То, что мы знаем о Лешерн, послужившей как бы живой моделью для образа Водяниной, побуждает нас внимательней присмотреться к личности героини романа. Во всех начинаниях смуринцев «добрая барыня» принимала живейшее участие, но были у нее и какие-то другие дела. После удачно завершившихся хлопот по устройству артели «добрая барыня» долго не могла уснуть и спросонок шептала: «Маленькое дело, дельце! Да! А все-таки... в ожидании лучшего, большего...» По этим большим делам она ездила часто в Питер. О них Водянина беседовала наедине с Дмитрием Кряжевым.

Образ «доброй барыни» выписан Засодимским с большой любовью. Частое употребление эпитета «добрая» не придает ему иронического звучания, а содержит скорее намек на особый характер «доброты» Водяниной. Так,

прощаясь с Лизаветой Петровной перед ее
отъездом из Грайворонова, Кряжев молча
«взглядывал на добрую барыню. Уж не зага-
дывал ли он о том, при каких обстоятельствах,
когда и как приведется ему встретиться
с ней?» Описание страны, куда она
отправлялась, носит характер алле-
тории: «...и люди в той земле живут не по-на-
шему». Глаза барыни светились «упованием
и надеждой, словно перед нею развертывалось
уже вблизи то самое чудесное зрелище, до ко-
торого она давно уже хотела досягнуть». Все
эти намеки и аллегории окружают личность
Водяниной некоей тайной. Но «проницатель-
ный читатель», умеющий вычитывать то, что
скрыто между строк (среди подписчиков «Оте-
чественных записок», где печатался роман, их
было немало), понимал, что Водянина уходи-
ла на борьбу за новую счастливую жизнь. Так
ушла в революционную борьбу и Софья Алек-
сандровна Лешерн — реальный прототип
«доброй барыни».

Учитель смуринской школы Владимир Дмит-
риевич Верхозов изображен в романе тщедуш-
ным, болезненного вида молодым человеком.
Создавая этот образ, писатель опирался на ав-
тобиографический материал, а отдельные чер-
точки внешнего облика и поведения смурин-
ского учителя «списаны» с Гамова. К учени-
кам своим Верхозов относился ласково, чем
привлек их сердца. Дверь в классную комнату

всегда была открыта, и на уроки могли приходить взрослые. Посещал их нередко и Дмитрий Кряжев. Красногорский священник отец Василий и его племянник, пьяненький красногорский учитель, возненавидели Верхозова, подсматривали и подслушивали, чтобы найти повод выжить его из смуринской школы. В главе «Загадка без разгадки» (названия некоторых глав «Хроники» напоминают своей многозначительностью названия глав знаменитого романа Чернышевского «Что делать?»). Дмитрий Кряжев передает учителю поползшие по селу слухи: «В бога, говорят, не верите...» Учитель с усмешкой заметил: «Как же это узнали? Я здесь, кажется, еще никому не исповедовался!».

Верхозов явно не верит в целесообразность либеральных начинаний смуринцев. Он убежден, что закручевским кулакам смуринская «картель будет не на задний зуб». «Добрый вы человек, Дмитрий Михайлович! — говорит учитель Кряжеву. — А все-таки не сделаете вы того, что вам охота». Верхозов, как это известует из всех намеков автора романа, знает другой путь к народному благоденствию. Не случайно учитель по доносу отца Василия исчезает из Смуриня (совсем так, как Дмитрий Гамов), чтобы посвятить себя целиком революционной работе. Так выясняется, наконец, тот другой путь, путь революционной пропаганды и борьбы, на который готов вступить

Дмитрий Кряжев, после испытательных разочарований отправляясь из Смурина в город.

В романе «Хроника села Смурина» отразился социальный протест крестьянских масс против своего угнетенного положения. Как и другие выдающиеся произведения народнической литературы семидесятых годов, роман служил целям революционной пропаганды. Вместе с тем в романе получили отражение идеиные искания демократической интеллигенции эпохи, приведшие после «неудачного» хождения в народ к созданию революционно-народнической «Земли и воли» (1876 г.), которой П. В. Засодимский несомненно сочувствовал.

Писатель решил предложить свой роман журналу «Отечественные записки». Н. А. Некрасов передал рукопись романа для чтения М. Е. Салтыкову-Щедрину. При встрече с П. В. Засодимским Щедрин предложил писателю первоначальное название произведения — «Печать антихриста», — способное привлечь излишне придирчивое внимание цензуры, заменить другим — «Хроника села Смурина» и подписать его псевдонимом. Под этим названием роман был опубликован под псевдонимом Вологдин в четырех номерах журнала «Отечественные записки» за 1874 год.

М. Е. Салтыков-Щедрин значительно сократил последнюю главу романа, так как боялся, что роман не пропустят цензура. Засодимский восстановил ее в первоначальном ви-

де для отдельного издания в 1875 году. Редактор «Отечественных записок» был рад, что это удалось и книгу «чертить цензурные не слопали».

После романа «Хроника села Смурина» Засодимский создал много произведений, посвященных жизни крестьянства, в которых описал не только его обездоленность, но и народную мечту о социальном обновлении России («Степные тайны», «По градам и весям», «Грех» и другие).

Не принимая участия в революционных делах народников, Засодимский разделял их взгляды. Ненависть к самодержавию, вражда к дворянству, отрицательное отношение к буржуазной цивилизации, глубокое сочувствие к обездоленному крестьянству сближали его с народниками. Судьбы русской деревни всю жизнь волновали писателя. Он не сумел преодолеть народнических взглядов, увидеть прогрессивность развития капитализма в России, а в пролетариате — ту революционную силу, которая сломит несправедливый общественно-экономический строй.

За яркую политическую речь на похоронах революционного публициста И. В. Шелгунова в 1891 году полиция выслала Засодимского из Петербурга. Ему было запрещено жить в Москве и долго не разрешали вернуться к семье в столицу

Последние годы своей жизни Павел Влади-
мирович провел в Новгородской губернии.
Усадьба Жадины, куда он приехал в апреле
1908 года, расположена на правом берегу ре-
ки Мсты, в 23 километрах от уездного города
Боровичи. Сосновый бор, раскинувшийся по
берегам реки, вплотную подступал к строени-
ям. Владельцем усадьбы в то время был мос-
ковский фабрикант Б. Д. Востриков. Управлял
имением Матвей Николаевич Чистяков, давно
знавший Засодимского. Это был начитанный,
гуманный человек, последователь толстовского
учения.

Деревню Засодимский любил с детства, по-
ловину своей жизни провел в ней. Сосны и ели
родного края запечатлелись в душе писателя,
навсегда стали его любимыми деревьями. «Лю-
блю я север, люблю широкие быстрые реки,
его дремучие леса, его зимы. Помните:

Снег и снег, все один вечно девственный
снег,

Да узоры лиловые скованных рек,
Да сосновые темные боры...»*

Так говорил Засодимский в кругу друзей.
Его мечтой было уехать на родину и там по-
селиться навсегда.

Учительской работой писатель в Жадинах

* Н. Степаненко — Из воспоминаний о П. В. Засо-
димском. «Голос минувшего», 1913 г.

не занимался, а занялся исторической работой о деспотизме. Его книга «Деспотизм, его принципы, применение их и борьба с деспотизмом» была напечатана в 1911 году.

В конце 1910 года Павел Владимирович последний раз ездил в Москву, где встретился со своим другом, писателем-народником Николаем Николаевичем Златовратским.

Жизнь Засодимского в Жадинах сложилась не вполне удачно. «Я занимаю домик, семь лет уже стоявший пустым, — жаловался Павел Владимирович своим друзьям, — но... мне пришлось жить в таких условиях, каких я не ожидал. Мелочные неприятности, дрязги, кэрзы выживают меня отсюда. Вероятно, мне скоро придется искать другого уголка, где бы я мог спокойно пожить и спокойно умереть».

В 1911 году Засодимский купил дом на берегу Мсты в Опеченском Посаде и переехал туда. (Дом этот сохранился до наших дней.)

Но Посад не был тихой уютной деревней, где в часы досуга крестьяне, собравшись группами, мирно беседуют, сидя на завалинках. В Посаде жили купцы и мещане. Это было большое торговое село, крупная пристань торговых судов на Вышневолоцком водном пути, уже утратившем свою былую славу. В воскресные и праздничные дни в Посаде было всегда шумно. Нотки недовольства этим обстоятельством видны в письмах Засодимского. Опеченские старожилы рассказывают, что ле-

том Павел Владимирович уезжал из Посада в урочище «Святынька». Там под сосновами на берегу родничка он сидел целыми днями и писал.

С интересом присматривался писатель к жизни крестьян, вел наблюдения за природой, записывал поражавшие своей мудростью поговорки и присловья. В Боровичском краеведческом музее хранится несколько листков, на которых рукою Засодимского записан календарь народных сельскохозяйственных примет. Вот некоторые из них: «18 апреля — сей морковь и свеклу на Кузьму. 28 апреля — на Егорья прикармливают коровушек в поле. 30 апреля — теплый вечер и звездная ночь на св. Якова — к урожаю. 4 мая — коли в мае дождь — будет и рожь. 8 мая — на Ивана Богослова паши пшеницу. 16 мая — на Федора Житника — сей жито».

Много времени и сил отдавал Засодимский подготовке к печати своих произведений. С 1908 по 1912 годы им было издано более десяти книг.

Жена Засодимского, Александра Николаевна, была попечительницей Великопорожской школы. Учитель этой школы Ананий Федорович Новиков бывал у Засодимских, беседовал с Павлом Владимировичем, брал у него книги для чтения. В своих воспоминаниях Новиков пишет: «Жили Засодимские в то время очень скромно. В их доме не было излишней

мебели или дорогих вещей. Книжный шкаф занимал половину стены гостиной. Большой стол, несколько стульев, кресло и диван — все и все убранство комнаты. Туда же входила лежанка, крытая глазированным кирпичом. Павел Владимирович в последние годы жизни боялся холода и любил погреться. Все вещи были так расставлены в комнате, что создавали какой-то особый уют. Чистота и порядок производили впечатление, будто дом только что построен, а жильцы поселились в нем лишь несколько месяцев назад».

В январе 1912 года, за три месяца до кончины, Засодимский написал автобиографические заметки, напечатанные в журнале «Голос минувшего» (1913 г., № 5).

Смерть Н. Н. Златовратского в декабре 1911 года произвела сильное впечатление на Засодимского. «Это уже последний из тех, из товарищей, с которыми я шел по тернистому, безрадостному литературному полю, — писал он. — Теперь — очередь за мной, и — к счастью — этой очереди мне ждать недолго».

Не прошло и пяти месяцев, как 17 мая (4 мая по старому стилю) 1912 года Павел Владимирович умер. На следующий день большевистская газета «Правда» сообщила своим читателям: «Вчера скончался известный писатель-народник П. В. Засодимский. Покойный является последним из славного кружка рус-

ских беллетристов, где работал паряду с Глебом Успенским, Златовратским и другими.

Широкую литературную известность П. В. Засодимский приобрел своею «Хроникой села Смурнина», печатавшейся в «Отечественных записках».

При въезде в Опеченский Посад, под сенью белоствольных берез, во дворе трикотажной фабрики, на месте которой прежде были приходская церковь и кладбище, покоится прах Павла Владимировича Засодимского. Ему не пришлось дожить до светлых дней Великой Октябрьской революции и увидеть народ, освобожденный от векового угнетения, чего так страстно желал писатель. До этих дней дожила вдова писателя Александра Николаевна Засодимская. После революции она заведовала народной библиотекой, составленной из книг Павла Владимировича. Умерла А. Н. Засодимская в 1920 году.

* * *

Засодимский оставил большое литературное наследство: романы, повести, рассказы, очерки, публицистические статьи. В его сердце постоянно жила тревога за судьбы своего народа. Героями всех его произведений были бедные, униженные люди, гибнущие под тяжестью горьких и незаслуженных испытаний. Но в каждом из этих людей писатель умел видеть человеческое достоинство, душевную чистоту и большую нравственную силу. Он внимательно

Мороз И. В. Абсолютного.

всматривался в окружающую действительность, черпал из нее материал для своих книг. «Не нахожу нужным скрывать, да и излишне распространяться о том, что все мои горячие симпатии всегда были и остались на стороне бедных, обездоленных, на стороне рабочих масс. Ни в одной строке, написанной мною, читатель не найдет ни одного выражения, которое противоречило бы этой основной идее моей жизни и деятельности», — писал Засодимский, обращаясь к своим читателям.

В своих произведениях он правдиво показал социальные процессы в пореформенной деревне. В них он выразил свой протест против несправедливого общественного строя, свою ненависть к эксплуатации, к буржуазному хищничеству.

До конца своей жизни Павел Владимирович оставался писателем-реалистом. Многие его произведения получили высокую оценку выдающихся современников.

«Мне всегда нравится то, что вы пишете, и большей частью то, что не нравится либералам», — писал Засодимскому Лев Толстой. Получив рассказ Засодимского «Перед погибшим камельком», Толстой дал ему восторженную оценку: «Я получил ваш рассказ, — писал он, — это то самое искусство, которое имеет право на существование. Рассказ прекрасный, и значение его не только ясно, но хватает за сердце. Вы спрашиваете о слабых

сторонах. Слабых нет, все сильно... Рассказ очень, очень хороший по форме и содержанию»*.

Павел Владимирович Засодимский по своим душевным качествам был редким человеком, с «хрустально-чистой душой ребенка», так отзывались о нем современники. Таким его помнят старожилы Опеченского Посада. Своим творчеством писатель-демократ стремился заронить «в душу читателя добрые чувства и мысли — любовь к близким, отвращение к злу, насилию и сострадание к несчастным».

Имя Павла Владимировича, выступившего в 1867 году с воззванием в защиту болгарского народа от турецкой тирании, было очень популярным в Болгарии. Его приглашали переехать жить туда. Засодимский питал глубокое уважение к крестьянам Болгарии, но не пожелал покинуть Россию. «Я родился на русской земле, жил и страдал с русским народом, с ним и останусь до конца» — таков был его ответ.

Обращаясь к своим читателям, Засодимский писал: «Когда мой прах уже истлеет и черты моей личности затушуются временем... в ту пору лучшая часть моего «я», того, что мыслило, чувствовало и страдало, будет еще жить в моих произведениях».

* Л. Толстой Полное собрание сочинений, том. 65, стр. 219.

Прошло полвека после смерти писателя. Переиздаются его произведения, их читают и любят советские люди. Книги П. В. Засодимского помогают не только лучше понять прошлое, но и оценить настоящее, когда идет развернутое строительство коммунистического общества.

П. В. Засодимский всем своим творчеством призывал искать счастье «в борьбе за общечеловеческое дело». Таким делом наших людей является осуществление принципа самого справедливого человеческого общежития—«от каждого по способности, каждому по потребности».

ЛИТЕРАТУРА

1. ЗАСОДИМСКИЙ П. — Из воспоминаний. 1908 г.
2. ЗАСОДИМСКИЙ П. — Собрание сочинений. СПб 1985 г.
3. РОЗАНОВА С. — П. В. Засодимский. (П. Засодимский — «Хроника села Смурина», ГИХЛ, 1959 г.).
4. ГУРА В. — П. В. Засодимский и его «Хроника села Смурина» (П. В. Засодимский. «Хроника села Смурина», Вологда. 1956 г.).
5. ЖАВОРОНКОВ А. и др. — Писатели на Новгородской земле. Новгород. 1960 г.
6. ИВАНОВСКИЙ Г. — Писатель-народник П. В. Засодимский. «Новг. комсомолец», 5 марта 1960 г.
7. ФРУМКИН Л. — Источники «Хроники села Смурина». «Красная искра», 9 марта 1960 г.
8. ИВАНОВСКИЙ Г. — Наша землячка С. А. Лешери. «Мошенской колхозник», 15 января 1961 г.
9. ИВАНОВСКИЙ Г. — П. В. Засодимский в Меглецах. «Знамя Октября», 9 апреля 1961 г.
10. ФРУМКИН Л. — Писатель-демократ П. В. Засодимский. «Вперед», 4 мая 1962 г.
11. Календарь знаменательных и памятных дат Новгородской области. Новгород 1961 г.

Георгий Иванович ИВАНОВСКИЙ.

Лев Рахиелевич ФРУМКИН.

П. В. ЗАСОДИМСКИЙ В НАШЕМ КРАЕ

Редактор Л. Я. ТЫНТАРЕВА.

Корректор В. В. МОИСЕЕВА.

ОД 02757 подп. к печ. 15-V-1962 г. Объем 1,5 п. л.
Зак. 2832, тир. 2000 Цена 12 коп.

Боровицкая городская типография,
ул. Пролетарская, 37.